

Научная статья

УДК 81.373

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89

Анализ десигната в практике судебной лингвистической экспертизы: к вопросу о построении методологии

**Александра Вячеславовна Бурцева¹
Ольга Владимировна Калашникова²
Светлана Николаевна Троцюк³**

¹⁻³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

¹ burtseva_av@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5528-6489>

² kalashn_ov@spbstu.ru <https://orcid.org/0000-0001-9916-9655>

³svetlana.trocuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7452-6668>

Аннотация

Авторами обосновывается применение в прикладных исследованиях семиотического подхода как адекватного интегративной природе речевой деятельности, уточняется понятие конфликтогенности на уровне трех составляющих языкового знака (по Г. Фреге): имени, денотата, и особенно десигната, не предполагающего существование абсолютно идентичных понятий в сознании разных людей. На примере экспертного заключения демонстрируется реализация семиотического подхода в ситуации конфликтогенности десигната как наиболее сложного для языкового анализа элемента семантики и знаковая природа «спорности» текста. В статье обозначены различия между трактовками текста как «спорного» и как «конфликтогенного».

Ключевые слова

семиотический подход, спорный текст, лингвистическая экспертиза, конфликтогенность, десигнат, денотат, коммуникативная роль

Для цитирования

Бурцева А. В., Калашникова О. В., Троцюк С. Н. Анализ десигната в практике судебной лингвистической экспертизы: к вопросу о построении методологии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. №. 3. С. 75–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89

© Бурцева А. В., Калашникова О. В., Троцюк С. Н., 2022

Designatum Analysis in Forensic Linguistic Expertise: On the Question of Constructing a Methodology

Alexandra V. Burtseva¹; Olga V. Kalashnikova²;
Svetlana N. Trocuk³

¹⁻³Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russia

¹burtseva_av@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5528-6489>

²kalashn_ov@spbstu.ru <https://orcid.org/0000-0001-9916-9655>

³svetlana.trocuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7452-6668>

Abstract

The authors substantiate the use of the semiotic approach in applied research as adequate to the integrative nature of speech activity and clarify the concept conflictogenicity at the level of three components of a linguistic sign according to G. Frege: name, denotation, and especially designatum, which does not imply the existence of absolutely identical concepts in the minds of different people. Using the example of an expert opinion, the implementation of the semiotic approach in the situation of conflict designatum, as the most difficult element of semantics for language analysis, as well as the symbolic nature of the “controversial” text are demonstrated. The article highlights the differences between the interpretation of the text as “controversial” and “conflictogenic”.

Key words

semiotic approach, conflict text, linguistic expertise, conflict potential, designatum, denotation, communicative role

For citation

Burtseva, A. V., Kalashnikova, O. V., Trocuk, S. N. Designatum Analysis in Forensic Linguistic Expertise: On the Question of Constructing a Methodology. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 75–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-75-89

Введение

Становление юридического термина как процесс «юридизации» значения общенародного слова определяет значимость и актуальность критического осмысления опыта практической работы юристов и лингвистов-экспертов в этой предметной области. Особый интерес, на наш взгляд, представляют методы исследования, востребованные в лингвистической экспертизе, поскольку от степени обоснованности их применения напрямую зависит верифицируемость проводимого лингвистом-экспертом исследования. Между тем, судебная лингвистическая экспертиза – относительно новое направление прикладной лингвистики [Бринев, 2009; Голев, 2018], которое до сих пор находится в поиске и некоторой неопределенности. На сегодняшний день речь идет именно о становлении методологии юридической лингвистики. Проблема метода лингвистической экспертизы в исследованиях [Беликов, 2001; Галяшина, 2003] была обозначена как одна из актуальнейших еще в начале века. Н. Д. Голев отмечал субъективность экспертной работы, нехватку «общих принципов и конкретной методики юрислингвистической экспертизы, способной эффективно совмещать лингвистическую и правовую оценку конфликтных языкоречевых ситуаций, вовлекаемых в сферу юрисдикции» [Голев, 2002]. Позднее эту же проблему отмечал как все еще актуальную Г. В. Кусков, указывая на замедленный процесс создания общепринятой классификации методов в юрислингвистике, неопределенность самого понятия «метод», стертость граней между лингвистикой и смежными с ней научными дисциплинами [Кусков, 2011].

Используемые при проведении лингвистической экспертизы методы до сих пор весьма разнообразны: применяются когнитивные методики, методики комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа спорного текста и оценки его потенциальной конфликтности в случае медийной публикации, сравнительно-логические методы, методы теории систем и многие другие. При этом наблюдается тенденция к сокращению собственно лингвистических методов и росту арсенала методов частных прикладных

дисциплин – особенно психолингвистики, нейролингвистики, социолингвистики – что представляется логическим следствием применяемого в прикладных исследованиях междисциплинарного подхода, более адекватного интегративной природе речевой деятельности.

Таким образом, ключевой задачей лингвистической экспертологии остается создание адекватных методик исследования, что не мешает, однако, рассматривать вопрос и «с другой стороны». Так, для К. И. Бринева [2010] на первом месте стоит разработка теорий, на основе которых возможно построить релевантные методики проведения текстовых экспертиз, иными словами, разработка методологии. В развитии судебной лингвистической экспертизы он отмечает как позитивные аспекты, к которым относит разработку отдельных методических рекомендаций в рамках *конкретных категорий* дел, некоторое расширение границ использования лингвистических заключений в следствии, дознании, суде, так и негативные, подчеркивая, что описательный (дескриптивный) уровень лингвистических экспертиз тем не менее развит слабо.

Значимыми при этом остаются как проблема определения предмета исследования, так и методологические принципы лингвистического исследования в правовой сфере.

Исходя из вышесказанного, мы определяем проблемой данного исследования теоретическое обоснование применимости семиотического подхода для разработки эффективной методики судебной лингвистической экспертизы. Он не только дает возможность обосновать принцип построения теории лингвистической экспертизы на раскрытии природы конфликтности языкового знака, но и, в частности, позволит судебному эксперту решать типичные для юридической лингвистики прикладные задачи, связанные с выявлением в медийной сфере публичных призывов, оскорблений и других высказываний, порочащих честь и достоинство физических или юридических лиц.

1. Материалы и методы

Методологической основой исследования спорного текста является трактовка языка как «универсальной семиотической матрицы, такой моделирующей структуры, у которой другие структуры заимствуют основные свойства <...> функционирования» [Бенвенист, 1974, с. 87]. Семиотический подход заявлен в мировой судебно-лингвистической экспертологии, но пока ограничен областью исследования юридической терминологии в когнитивно-семиотическом и национально-культурном аспектах [Endicott, 2002; То, 2008].

С нашей же точки зрения, данный подход универсален и может служить методологической базой для разработки прикладных методик широкой проблематики. Язык в семиотическом пространстве занимает особое место в силу особенностей природы языкового знака и его функционирования, является единственной подлинно семиотической системой, поскольку лишь слово характеризуется как единица, наделенная значением. Свойство означивания неотделимо от самого знака, оно присуще знакам независимо от тех связей, в которые они могут вступать. Человек погружен в семиотическую «вселенную» и, включаясь в интегративный процесс коммуникации, оперирует знаками и знаковыми системами как вербальной, так и невербальной природы, интерпретируемых, тем не менее, с помощью интерсемиотического перевода [Якобсон, 1978, с. 16–24]. В результате, используя язык, его вербальные, паралингвистические и невербальные средства, субъект речи может выражать по-разному в конкретных текстах одно и то же содержание при помощи разных знаков – графических, словесных, пластических, музыкальных и других [Сапогова, 1992]. Это значит, что для юрислингвистики актуален подход, позволяющий анализировать не только письменные и устные вербальные знаки в тексте, но и так называемые мультимодальные и полимодальные тексты [Комалова, 2022].

Опора на семиотический подход позволяет определить конфликтотенциальный потенциал трех компонентов языкового знака: имени, денотата и десигната. Это, на наш взгляд, дает возможность уточнить понятие спорного текста как содержащего знаки, имеющие противоречия

в данной трехкомпонентной структуре, вызванные случайными либо намеренными нарушениями в процессе означивания, что, в свою очередь, приводит к коммуникативным сбоям, непониманию и/или конфликту.

Материалом для статьи послужила лингвистическая экспертиза, выполненная независимым научно-исследовательским учреждением «Центр судебных экспертиз» г. Мурманска в 2018 году.

Объектом исследования является семиотический подход к лингвистической экспертизе; предметом – конфликтогенность составляющих языкового знака.

2. Результаты и обсуждение

Согласно немецкому философу и математику Г. Фреге (1848–1925), структура знака представляет собой треугольник, вершинами которого являются предмет (денотат), понятие (десигнат, сигнификат) и имя. Имя представляет собой любое явление, предмет, изображение, жест, позу, число, слово, то есть любой значимый элемент. Денотат представляет собой любой материальный объект или явление духовной жизни общества. Третий компонент, десигнат, является отражением существенных свойств предмета в мышлении. Таким образом, знак, резюмирует Ю. С. Степанов, это «всякий элемент знаковой системы, структура которого есть треугольник Фреге» [Степанов, 1985, с. 91].

В современной юрислингвистике отсутствует как таковое определение собственно спорного (конфликтогенного) текста, но выделены его признаки:

- наличие как минимум двух участников коммуникации (порождающего и воспринимающего); алогичность, несвязность внутренних частей или кусков текста [Сергеев, 2006, с. 105–107];
- наличие у автора текста намерения сознательно и активно действовать в ущерб другому участнику столкновения (читателю, герою публикации и т. п.) [Белоус, Осколкова, 2007];
- наличие в тексте оценочных конструкций [Ушакова, Латынов, 1995, с. 33–41];
- способность вызывать значимое противоречие между участниками коммуникации, которое выливается в обращение одного из них в судебные инстанции и последующее назначение лингвистической экспертизы [Матвеева, 2004, с. 89–100].

Заметим, что развиваемые в юрислингвистике трактовки конфликтогенности единиц и конфликтогенного текста заметно отличаются от культурнолингвистических или межкультурных, обычно связанных с понятием внутрикультурной или межкультурной политкорректности. Главным признаком конфликтогенного текста с юридической точки зрения является его *правовая* спорность, поэтому выражения «конфликтогенный текст» и «спорный текст» в юрислингвистике синонимичны. В коммуникативной или политической лингвистике ситуация иная: превалирует термин «конфликтогенный текст», который становится таковым из-за присутствия в нем конфликтогенов или конфликтогенных маркеров, единиц «экстремистской» направленности, относимых в американской терминологии к *hate language*. Поэтому основной задачей становится разработка типологии конфликтогенов¹, а не доказательство факта наличия или отсутствия нарушения закона в случае иска.

Совокупность перечисленных признаков, с точки зрения семиотического подхода, сводится к намеренному или случайному нарушению автором спорного текста отношений между составляющими языкового знака, понятием, именем, предметом, и нормами употребления знака.

¹ См. в этой связи примеры характерного дискурса: 1) «Говоря о конфликтогенных маркерах, справедливо отмечают, что в этой функции может выступить любая единица языка <...> Форма реакции реципиента (как вербальной, так и невербальной) может указывать на факт и на степень конфликтогенности текста, особенно если последний не содержит «явных» конфликтогенов вроде инвектив» [Балясникова, 2015, с. 23]; 2) «Типологию конфликтогенных единиц нельзя считать окончательно разработанной...» [Балясникова, 2015, с. 23, 26].

Следовательно, внимание лингвиста-эксперта должно быть обращено на выявление конфликтного потенциала данных нарушений.

Конфликтность имени как компонента знака обусловлена его стилистическими характеристиками и доказуема, например, путем соотнесения функции словесного знака с пометами в словарных статьях.

Конфликтный потенциал денотата обусловлен теми коннотациями, которыми реалия «обрастает» в той или иной культуре.

С точки зрения конфликтности, из трех компонентов знака особенно интересен десигнат, так как существование абсолютно идентичных десигнатов в сознании разных людей маловероятно, что зачастую уже может стать причиной непонимания или недопонимания, своеобразным конфликтогеном. Так, еще в начале 2000-х Н. Д. Голев [2003] отмечал, что ориентация только на пометы словаря, характеризующего слово как «бранное» или не дающего такой пометы, приводит к тому, что оскорбитель зачастую остается безнаказанным в ситуации, когда, например, оскорбительны те составляющие десигната, которые обусловлены ассоциативным полем слова, составляя периферию его лексического значения. Современные исследователи [Кочергина, 2019, с. 166] все еще отмечают проблему нехватки имеющихся лексикографических данных для экспертной работы лингвиста-практика.

Проблемы устройства знаковых систем, их соотношение и взаимодействие в тексте чрезвычайно важны для анализа морально-этической неприемлемости его фрагментов. При этом знаковая коммуникативная сфера предстает целостной, как картина мира, в которой все гетеросемиотические элементы семантически связаны общим контекстом. Отсюда и делается вывод, что семиотическая теория представляет базис для универсальной методологии, который, тем не менее, в силу его еще недостаточной разработанности современными исследователями [Mikhailova, 2020], требуется конкретизировать сообразно возникающим задачам, что мы и попытаемся сделать далее.

Принципиально проблема интерпретации знаков в процессе анализа спорного текста основывается на семиотических законах его смыслового строения, то есть: на исследовании отношения знаков к их объектам (семантике) в конкретных контекстах; на анализе синтактики знаков в спорном тексте по сравнению с нормативной, кодифицированной в языке, на котором составлен подвергаемый экспертизе текст; на учете прагматических закономерностей восприятия (прочтения) текста, зависящих от позиции наблюдателя или интерпретатора [ср. Leech, 1983]. Эта точка зрения и нашла отражение в ряде ключевых недавних работ по юридической лингвистике [Finegan, 2020; May, 2020]. Действительно, в семиотической теории Э. Бенвениста языковой знак был определен как *нерасторжимое* единство плана содержания и плана выражения. Из этого следует, что процесс означивания текстов (цепочки знаков) опирается на «какое-либо соглашение, которое одинаково понималось бы отправителем и получателем» [Бенвенист, 1974]. А это значит, что всякое нарушение «соглашения», связанного с процессом означивания, потенциально конфликтно.

Кроме того, языковой знак сложен по своей структуре и может рассматриваться и как иконический, и как условный, поскольку существует как факт абстрактной языковой системы и как речевой факт, бытующий во всем многообразии коннотативных приращений смыслов, вносимых в него отправителем (обычно единичным) и получателями сообщения (обычно множественными). Это обуславливает специфику юридического декодирования языкового знака: при восприятии вербального знака в составе текста становится актуальной проблема преодоления его прямого значения, так как в словесной коммуникации действуют законы комбинаторики, в силу которых словесный знак меняет свое значение, сообразуясь с семантикой целого и актуализируя периферийные семы, которые могут стать значимыми для юрислингвистики [Богданова-Бегларян, 2020].

Имплицитность выражения информации в спорном тексте ставит перед лингвистом-экспертом не столько задачу ее распознавания, сколько предъявление объективных доказательств,

обосновывающих наличие того или иного оскорбительного или экстремистского смысла, посылы, интенции и – шире – конфликтогенного потенциала.

Анализ трех составляющих языкового знака может стать одновременно и теоретическим базисом, и алгоритмом исследования в лингвистических экспертизах спорных текстов. Поэтапный анализ имени, денотата, десигната и отношений между этими компонентами языкового знака применим, на наш взгляд, в типичных для лингвистики задачах, связанных с выявлением оскорблений, высказываний, порочащих честь и достоинство, определением разногласий в трактовке того или иного понятия, уточнением предмета речи в осложненной коммуникации и многих других типов исследований, связанных с выявлением семантики текстовых элементов.

3. Реализация семиотического подхода в ситуации конфликтогенности десигната

На разрешение эксперта в экспертизе 16/1565 был поставлен вопрос: «Соответствует ли коммуникативное поведение N в представленной на стенограмме видеозаписи речевой ситуации характеристикам понятия “наблюдение”?». Лексема «наблюдение», использованная в протоколе допроса для обозначения действий сотрудника МВД, представляет собой пример спорности языкового знака, вызванной, с нашей точки зрения, неоднозначностью десигната и приведшей к юридическому конфликту.

Использование лексемы «наблюдение» в протоколе вызвало спорную ситуацию: по мнению защиты, поведение сотрудника полиции больше соответствовало понятию «эксперимент» как виду оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ), для проведения которого необходимо получение специального разрешения. В силу того, что данное разрешение получено не было, у защиты была возможность ходатайствовать о том, чтобы не приобщать полученные сведения к делу. Таким образом, в данном случае возникло расхождение в понимании самого термина, ставшее причиной проведения лингвистической экспертизы. Прежде чем приступить к анализу связей между десигнатом (лексема «наблюдение») и его денотатом (стенограмма видео), напомним об интегративной природе речевой деятельности, поскольку именно она обусловила сложность денотата. В самой стенограмме слово *наблюдение* отсутствует вообще, но ее вербальная и невербальная информация допускает подобную вербальную категоризацию (юридическую квалификацию) мультимодального документа, поэтому оно и появилось в протоколе допроса. Другой интерпретатор – сторона защиты – утверждает, что тот же самый документ имплицитно несет иную категориальную семантику – эксперимент. Конфликт налицо, при том что найти в тексте стенограммы «конфликтогены» в привычном значении этого слова практически невозможно.

Текст протокола содержит такие компоненты знака, как имя (лексема «наблюдение») и отсылку к денотату, представляющему собой действия сотрудника полиции, зафиксированные на стенограмме видео: «12.11.2015, в 21:19 часов, мой коллега N, которому руководством также было поручено проведение ОРМ «Наблюдение», был оснащен специальным техническим оборудованием для осуществления записи и фиксации событий, происходящих в указанное время в вышеуказанном помещении».

Для установления соответствия или несоответствия компонентов языкового знака термину «наблюдение» было необходимо выявить содержание его десигната, описать структурные компоненты этого понятия с точки зрения юридической практики, а затем сопоставить их ключевые характеристики с денотатом, то есть коммуникативным поведением сотрудника полиции.

Чтобы выявить содержание десигната «наблюдения» как вида ОРМ, мы провели семантический анализ применения данного термина в юридической литературе с опорой на положения описанного выше семиотического подхода, когда во внимание исследователя попадают как стандартные понятийные компоненты самого слова, так и вариации его значения в различных подъязыках и полевых ситуациях.

Отметим, что в тексте протокола слово наблюдение употреблено именно в терминологическом значении, на что указывает аббревиатура ОРМ (оперативно-розыскное мероприятие). Анализ научных статей по теме «Наблюдение как ОРМ» позволил выявить содержание десигната, несмотря на то, что этот термин неоднозначно трактуется на страницах диссертаций, юридических научных журналов и учебно-методических пособий.

Наряду с принадлежностью *наблюдения* к ОРМ были выявлены и другие категориальные признаки, используемые авторами юридических работ в конструкции «наблюдение – это» как сущностные понятийные характеристики. Таковыми являются термины *слежение, контроль, фиксация, изучение*.

Таблица 1

Содержание десигната «наблюдение» в юридическом дискурсе

Table 1

The Content of the Designatum “Observation” in Legal Works

Авторы определений	Категориальный-признак	Дифференциальные признаки
Научно-практический комментарий к ФЗ об ОРД	слежение	1) негласное; 2) за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения.
А. В. Веденин [2012, с. 26]	контроль и/или фиксация деяний лица	1) физический, электронный или комплексный; 2) осуществляемое гласно и негласно; 3) проводимое оперативным работником.
И. Ю. Антонов [2015, с. 32]	слежение или контроль	1) со стороны уполномоченного законом субъекта; 2) за поведением и действиями лица; 3) направленное на получение информации о признаках преступной деятельности и другой информации, необходимой для решения задач ОРД; 4) осуществляемое как с помощью технических средств, так и без них.
В. Д. Лахин [2007, с. 106–107]	слежение	1) уполномоченных оперативных работников и конфиденентов; 2) целенаправленное; 3) негласное; 4) в естественных условиях; 5) за объектами оперативной заинтересованности и местами их реального либо возможного нахождения; 6) без вмешательства в ход их деятельности.
А. А. Степанов, М. Г. Шананин [2005, с. 18].	изучение	1) оперативно значимых явлений, событий, фактов, а также поведения лиц, подозреваемых в преступной деятельности; 2) негласное; 3) визуальное или с использованием технических средств.

Таким образом, *наблюдение*, трактуемое в наиболее обобщенном понятийном смысле как комплексное понятие, включающее слежение, контроль, фиксацию и изучение, представляет собой действие, осуществляемое человеком по отношению к какому-либо объекту.

Сущность данного действия состоит в фиксации какого-либо процесса, осознании и понимании происходящего. Его десигнат, то есть понятийное значение слова *наблюдение*, отражен в «Большом толковом словаре русского языка» и трактуется как: 1) действие к глаголу *наблюдать*; 2) то, что подмечено, замечено в результате внимательного рассматривания, изучения кого-, чего-либо.

Близка такому толкованию *наблюдения* его трактовка как общенаучного метода исследования, а именно: целенаправленное восприятие явлений объективной действительности, в ходе которого приобретаются знания о внешних сторонах, свойствах и отношениях объектов. Процесс использования метода научного наблюдения является не пассивным созерцанием мира, а особым видом научной деятельности, включающим в себя следующие элементы: наблюдателя, объект наблюдения, средства наблюдения (технические средства фиксации наблюдаемого).

Активность субъекта в наблюдении как общенаучном методе связана не только с работой органов чувств, вниманием наблюдателя, но и с его способностью толковать эти чувства, однако она не предполагает его вмешательства в наблюдаемый процесс. Иными словами, *наблюдение* – это внутренняя активность субъекта действия при его внешней пассивности.

Отличительные (дифференциальные) признаки *наблюдения* как вида ОРМ, отраженные в таблице 1, представляют собой десигнат и включают в себя многоаспектную характеристику процесса с точки зрения: 1) оповещенности/неоповещенности объекта наблюдения о данном процессе (негласное; осуществляемое гласно и негласно); 2) объекта наблюдения – за кем ведется наблюдение (за лицами, подозреваемыми в преступной деятельности, используемыми ими транспортными средствами, местами их нахождения); 3) использования/неиспользования специальных технических средств (физический, электронный или комплексный; визуальное или с использованием технических средств); 4) цели наблюдения (направленное на получение информации о признаках преступной деятельности и другой информации, необходимой для решения задач оперативно-розыскной деятельности); 5) субъекта наблюдения (проводимое оперативным работником или другим уполномоченным законом субъектом); 6) условий осуществления (без вмешательства в ход их деятельности).

Последний, шестой, признак определяет, на наш взгляд, дифференциальную специфику наблюдения. Так, если сопоставить определение *наблюдения* с дефинициями *эксперимента*, то мы увидим, что дифференцирующим признаком их десигнагов является именно активность/пассивность человека, осуществляющего ОРМ.

В соответствии с названной нормой, *оперативный эксперимент* представляет собой воспроизведение действий, обстановки, обстоятельств преступного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступления, выявления субъектов, их совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных противоправных действий или получения иных данных о криминальной деятельности [Шумилов, 1999; Нетреба, 2009].

Оперативный эксперимент – способ получения информации путем воспроизведения негласно контролируемых условий и объектов для установления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Он заключается в активном наблюдении за поведением лица – объекта оперативной заинтересованности – в управляемых или контролируемых условиях или в проведении иных опытных действий, непосредственно не связанных с поведением лица, для получения оперативно значимой информации, которые проверяют и уточняют имеющиеся сведения о вероятной подготовке или совершении тяжкого (особо тяжкого) преступления [Шумилов, 1999, с. 169].

Это значит, что понятие *эксперимент* в оперативно-розыскной деятельности предполагает активные действия проводящего его лица, а именно: воспроизведение или совершение опытных действий с реконструкцией ситуации на месте (в отличие от наблюдения, предполагающего невмешательство наблюдателя в происходящее).

Сопоставив семиотические структуры двух понятий, приходится заключить, что коммуникативное поведение N не может быть признано соответствующим позиции наблюдателя, поскольку содержание протокола указывает на то, что он является активным деятелем, то есть совершает коммуникативные (спрашивает, отвечает, высказывает оценку, говорит по телефону) и некоммуникативные (платит, играет на компьютере, пересаживается за другой стол и т. д.) действия в помещении, где осуществляется ОРМ. Перечисленное значит, что N активно вмешивается в ход действий, показанных на видео, а значит, происходящих в помещении. Видеоматериал также показывает, что во время нахождения в помещении N берет на себя коммуникативную роль *инициатора общения*: он вступает в коммуникацию с шестью из девяти коммуникантов (с М, Ж, М1, Д, М2 и П), не считая разговора по телефону, факт осуществления которого также отражен на видео.

Коммуникативное поведение N преимущественно характеризуется стратегией расспрашивания об информированности обозначенных коммуникантов о предмете его скрытого интереса и скрытой проверке сведений, которыми располагают его адресаты.

Во время пребывания в зале N также произносит реплики, не обращенные к кому-либо, дважды говорит по телефону, обращается к различным людям, присутствующим в зале. В полном словесном виде коммуникативное поведение N отражено в таблице 2, где нами обозначена цель каждой реплики и, что существенно, ее модальность.

Таблица 2

Поведение коммуниканта N

Table 2

Behavior of Communicant N

Реплики N	Адресат сообщения	Функция реплики, модальность
1	2	3
1) Какой не занят?	Ж, М	Узнает о свободном столе/компьютере.
2) Давайте на 300. Какой не занят? На каком больше играли?	Ж	Выспрашивание о наиболее востребованном компьютере.
3) Второй оттуда?	Ж	Выспрашивание, уточнение места.
4) Ты что, опять взял что ли?	М1	Побуждение М1 к разговору, уточнение факта выигрыша М1.
5) Охре*ть!	М1	Эмоциональная реакция на ответ о выигрыше М1.
6) Много народу играло...?	Д	Побуждение Д к разговору.
7) Ого. Она без шаров что ли играет, время?	Д	Обращение с вопросом к Д по поводу игры. Попытка завязать разговор.
8) Ну что там, давай корабль <...>. То не докрутит, то перекрутит.	Ни к кому не обращено	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш.
9) Дал на перед?	П	Попытка вступить в коммуникацию.
10) Да что ты?!	Ни к кому не обращено	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш.
11) Включите туда вот.	Ж	Побуждает Ж переключить игру на другой компьютер.
12) Да. На 300. А то на такси не останется. Восьмой уже занят.	Ж	Вербализация факта оплаты. Уточнение по поводу суммы оплаты. Выспрашивание о компьютере для игры.

Окончание табл. 2

1	2	3
13) Освободился 10-й?	Ж	Выспрашивание о компьютере для игры.
14) За ним что-то вообще никто не играет.	Ж	Выспрашивание о компьютере для игры. Сомнение в востребованности свободного компьютера.
15) Может, со второго переключить сюда? На каком дольше играли? Давайте на ближнем.	Ж	Побуждение к выполнению невербальных действий. Выспрашивание о наиболее востребованном компьютере для игры.
16) Да, там у меня осталось	Ж	Согласие играть на ближнем.
17) Ни х*на ничего не дает, что за дела. Вот этот, наверное, хороший, на нем много играл.	Неперсонализированное высказывание	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш. Выражение предположения о лучшем варианте компьютера для игры.
18) Неудача.	Не персонализированное высказывание	Эмоциональная реакция на игру и проигрыш.
19) Гулять так гулять! Чуть-чуть осталось.	M2	Выражение желания продолжить игру.
20) Деньги забыл. Открой дверь.	M2	Побуждение адресата к невербальному действию (просьба открыть дверь).
21) Мне деньги, деньги забрать.	M2	Побуждение адресата к невербальному действию (просьба открыть дверь). Обоснование причины.
22) Кого?	M2	Уточняющий вопрос.
23) Пошли.	Адресат неизвестен	Побуждение, выраженное в форме приказа, адресованное кому-то (предположительно сотрудникам полиции) войти.
24) Я пацанов подожду тут. Тут поиграем.	M2	Обоснование отказа заходить в помещение. Скрытая модальность: недопущение невербального действия – закрытия двери.
25) Знакомых.	M2	Ответ на вопрос M2 «каких пацанов». Скрытая модальность: недопущение невербального действия – закрытия двери.

Вывод: коммуникативная роль N связана с инициированием общения, он самый активный коммуникант в данной ситуации, поскольку ему принадлежит подавляющее большинство реплик. Коммуникативное поведение сотрудника полиции N, являясь денотатом языкового знака «наблюдение», упомянутого в протоколе, не соответствует, однако, десигнату «наблюдение» как вида ОРМ.

Детальное сопоставление денотата, включающего комплекс вербальных и невербальных действий, которые зафиксированы на видео и переведены в графический текст, и десигната, понятийных компонентов значения термина «наблюдение» в текстах по юриспруденции, позволило выявить их принципиальное несоответствие. Иными словами, мы наблюдаем про-

творение между компонентами знака, которое позволяет трактовать заключение протокола как спорное.

Выводы

Представленный кейс не только показывает, что на сегодняшний день судебная лингвистическая экспертиза нуждается в надежной методологии, но и ярко демонстрирует расхождения между ней и лингвокультурной лингвистикой в трактовке таких базовых понятий, как конфликтогенный/спорный текст, конфликтогены, маркеры конфликтогенности. В нашем примере конфликтогенность «превращается» в спорность. Она вызвана не оскорбительностью неких инвектив, экстремистской лексики и жестов, которые обычно имплицитно лингвокультурной лингвистикой, и не hate language, который подразумевается в межкультурной коммуникации «своих» и «чужих» [Фефелов, 2017, с. 54, 61, 63], а исключительно нарушением негласного соглашения, связанного с процессом означивания понятия/феномена «наблюдение».

Десигнат этого слова, ставшего, помимо всего прочего, в юридическом дискурсе термином, связан с очень специфичным денотатом, и эти связи нельзя исследовать по дефинициям толкового словаря. Необходимо изучать весь комплекс вербальных и невербальных средств его плана выражения, которые сформировались в ходе интегративного процесса речевой коммуникации в конкретном хронотопе. А конститутивные и дифференциальные признаки десигната требуется еще и проверять по данным научно-юридического дискурса.

Таким образом, семиотическая теория знака может стать надежным базисом для разработки методологий анализа спорных и конфликтогенных текстов в различных прагматических целях, поскольку она обладает универсальным характером, объединяя различные типы текстов как совокупности знаков вне зависимости от стиля речи и сферы употребления и соответствуя интегративной природе речевой деятельности.

Анализ трехкомпонентной структуры знака, взаимосвязи между компонентами и процессом означивания позволяет выявлять конфликтогенный статус знака, определяя содержащие подобные знаки текст как спорный.

Список литературы

- Антонов И. Ю. Понятие и определение наблюдения как оперативно-розыскного мероприятия // Юрист-правовед, 2015. № 3(70). С. 32.
- Балясникова О. В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтогенного текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. Т. 13. № 4. С. 22–27.
- Белоус П. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература, 2007. Т. 2. № 4. С. 96–107.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Богданова-Бегларян Н. В. Ядро и периферия лексико-грамматической характеристики русского слова: о судьбе периферийных единиц // Мир русского слова, 2020. № 2. С. 23–31. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12021
- Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
- Веденин А. В. Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие, особенности использования его результатов: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2012. 26 с.
- Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
- Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 7–38.

- Голев Н. Д.** Юрислингвистика и регулирование языковых конфликтов (к проблеме толерантного отношения к языку). *Право і лінгвістика: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. У 2 частинах. Частина 2.* Сімферополь. Ялта, 2003. С. 120–127.
- Комалова Л. Р.** Исследования по компьютерной и экспериментальной лингвистике // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание*, 2022. № 1. С. 24–34. DOI: 10.31249/H^/2022.01.02
- Кочергина К. С.** Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // *Вопросы лексикографии*, 2019. № 15. С. 154–173.
- Кусков Г. В.** Общие и частные задачи методологии судебной лингвистической экспертизы // *Теория и практика общественного развития*, 2011. № 5. С. 217–224.
- Ляхин В. Д.** Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие // *Вестник Омского ун-та. Серия «Право»*, 2007. № 2(11). С. 106–111.
- Матвеева О. Н.** К вопросу о юридизации конфликтного текста // *Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 89–100.
- Нетребва В. А., Овчинский В. С.** Понятие оперативного эксперимента. Теория оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. 86 с.
- Сапогова Е. Е.** Моделирование как этап развития знаково-символической деятельности дошкольников // *Вопросы психологии*, 1992. № 5–6. С. 26–30.
- Сергеев С. С.** Аналитика конфликтного текста. Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России». Т. 15. Социальная стратификация. Социология конфликта. Гендерная социология. М., 2006. С. 105–107.
- Степанов А. А., Шананин М. Г.** Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве следственных действий. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2005. 60 с.
- Степанов Ю. С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. С. 335.
- Ушакова Т. Н., Латынов В. В.** Оценочный аспект конфликтной речи // *Вопросы психологии*, 1995. № 5. С. 33–41.
- Фефелов А. Ф.** Типы реализации переносной семантики цветообозначений black/white в мейнстримных СМИ США // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2017. Т. 15. № 4. С. 52–67.
- Шумилов А. Ю.** Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий. М., 1999. 128 с.
- Якобсон Р.** О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.* М., 1978. С. 16–24.
- Endicott T.** Law and Language. Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford, 2002. Pp. 935–968.
- Finegan E., Lee B.** Corpus Linguistic Approaches to ‘Legal Language’: Adverbial Expression of Attitude and Emphasis in Supreme Court Opinions. The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. London, New York: Routledge. 760 p.
- Leech G.** Principles of Pragmatics: (Longman Linguistics Library; no. 30) London: Longman Group Limited), 1983. 158 p.
- May A., Holt E., Saeed N. A., Sani N. A.** Socio-Pragmatic Aspect of Legal Questioning: Police Interviews, Prosecutorial Discourse and Trial Discourse. The Routledge Handbook of Forensic Linguistics. London, New York: Routledge, 2020. 760 p.
- Mikhailova P.** Graphic Markers of Irony and Sarcasm in Written Texts. Speech and Computer: 22nd International Conference, SPECOM-2020 (St. Petersburg, Russia, October 7–9, 2020). Cham: Springer, 2020. 346356 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60276-5_34
- To C.** Confidentiality in Arbitrations. Legal Discourse across Cultures and Systems. Hong Kong, 2008. 242 p.

Список источников

Научно-практический комментарий к ФЗ об ОРД. Статья 6. Оперативно-розыскные мероприятия. При осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся следующие оперативно-розыскные мероприятия [Электронный ресурс] // Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7666/> (дата обращения: 28.03.2022).

References

- Antonov, I. Yu.** The Concept and Definition of Surveillance as an Operational-Search Measure. *Legal Jurist*, 2015, no. 3(70), p. 32. (in Russ.)
- Balyasnikova, O. V.** How to Study Key Words' Meanings of a Conflictogenic Text: a Psycholinguistic Approach. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 22–27. (in Russ.)
- Belous, P. A., Oskolkova, N. V.** Conflict Discourse vs Conflict Text. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 2007, vol. 2, no. 4, pp. 96–107. (in Russ.)
- Benveniste, E.** General Linguistics. Moscow, Progress, 1974. 448 p. (in Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan, N. V.** The Core and Periphery of the Lexical and Grammatical Characteristics of the Russian Word: About the Lot of Peripheral Units. *World of the Russian Word*, 2020, no. 2, pp. 23–31. DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12021 (in Russ.)
- Brinev, K. I.** Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Barnaul, AltGPA, 2009. 252 p. ISBN 978-5-88210-464-0 (in Russ.)
- Vedenin, A. V.** Surveillance as an Operational-Search Measure, Features of Using Its Results: Abstract. dis. ... cand. legal Sciences. Vladimir, 2012. 26 p. (in Russ.)
- Endicott, T.** Law and Language. Jurisprudence and Philosophy of Law. Oxford, 2002, pp. 935–968.
- Fefelov, A. F.** Semantic Patterns of Interpreting the Symbolic Meanings of Color Terms BLACK/WHITE in Some US Mainstream Media. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 52–67.
- Finegan, E., Lee, B.** Corpus Linguistic Approaches to 'Legal Language': Adverbial Expression of Attitude and Emphasis in Supreme Court Opinions. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London, New York: Routledge. 760 p.
- Galyashina, E. I.** Fundamentals of Forensic Speech Science. Moscow, STANSI, 2003, 236 p. (in Russ.)
- Golev, N. D.** Jurislinguistics and Regulation of Language Conflicts (On the Problem of Tolerant Attitude to Language). *Law and Linguistics: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. In two parts. Part 2. Simferopol, Yalta, 2003, pp. 120–127. (in Russ.)
- Golev, N. D.** On the Objectivity and Legitimacy of Sources of Linguistic Expertise. *Jurislinguistics-3: Problems of Jurislinguistic Expertise*. Barnaul, Alt. un-t, 2002, pp. 7–38. (in Russ.)
- Kochergina, K. S.** Theory and Practice of Using Dictionaries as Sources for Linguistic Expertise. *Problems of lexicography*, 2019, no. 15, pp. 154–173. (in Russ.)
- Komalova, L. R.** Research in Computer and Experimental Linguistics. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature, ser. 6. Linguistics*, 2022, no. 1, pp. 24–34. DOI: 10.31249/H/2022.01.02 (in Russ.)
- Kuskov, G. V.** General and Particular Tasks of the Methodology of Forensic Linguistic Expertise. *Theory and practice of social development*, 2011, no. 5, pp. 217–224. (in Russ.)
- Lakhin, V. D.** Surveillance as an Operative-Search Measure. *Bulletin of the Omsk University. Series "Right"*, 2007, no. 2(11), pp. 106–111. (in Russ.)
- Leech, G.** Principles of Pragmatics (Longman Linguistics Library; no. 30) London: Longman Group Limited), 1983. 158 p.

- Matveeva, O. N.** To the Question of Conflict Text as a Legal Notion. *Jurislinguistics-5: Legal aspects of language and linguistic aspects of law*, pp. 89–100. Barnaul, Alt. un-t, 2004. (in Russ.)
- May, A., Holt, E., Saeed, N. A., Sani, N. A.** Socio-Pragmatic Aspect of Legal Questioning: Police Interviews, Prosecutorial Discourse and Trial Discourse. *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. London, New York: Routledge, 2020, 760 p.
- Mikhailova, P.** Graphic Markers of Irony and Sarcasm in Written Texts. In: *Speech and Computer: 22nd International Conference, SPECOM 2020 (St. Petersburg, Russia, October 7-9, 2020)*, 346356 p. Cham: Springer, 2020. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60276-5_34 (in Russ.)
- Netreba, V. A., Ovchinsky, V. S.** The Concept of Operational Experiment. *The Theory of Operational-Search Activity*. Moscow, 2009, 86 p. (in Russ.)
- Sapogova, E. E.** Modeling as a Stage in the Development of Sign-Symbolic Activity of Preschoolers. *Questions of Psychology*, no. 5–6, pp. 26–30. (in Russ.)
- Sergeev, S. S.** Analytics of the Conflict Text. Abstracts of Reports and Speeches at the All-Russian Sociological Congress “Globalization and Social Changes in Modern Russia”. Vol. 15. Social Stratification. Sociology of Conflict. Gender Sociology. Moscow, 2006, pp. 105–107. (in Russ.)
- Shumilov, A. Yu.** Legal Bases of Operational-Search Activities. Moscow, 1999, 128 p. (in Russ.)
- Stepanov, A. A., Shanenin, M. G.** Using Results of Operational-Search Activity as Basis for Planning Further Investigative Actions. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2005. 60 p. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** In the Three-Dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, and Art. M.: Nauka, 1985. 335 p. (in Russ.)
- To, C.** Confidentiality in Arbitrations. *Legal Discourse across Cultures and Systems*. Hong Kong, 2008. 242 p.
- Ushakova, T. N., Latynov, V. V.** Evaluative Aspect of Conflict Speech. *Questions of psychology*, 1995, no. 5, pp. 33–41. (in Russ.)

List of Sources

Scientific-practical commentary to the Federal Law on ORD. Article 6. In the implementation of operational-search activities, the following operational-search activities are carried out [Online]. Federal law on operational-search activities: scientific and practical commentary. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7666/> (accessed on: 28.03.2022).

Сведения об авторах

- Бурцева Александра Вячеславовна**, доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
- Калашникова Ольга Владимировна**, старший преподаватель Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
- Троцюк Светлана Николаевна**, доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Information about the Authors

Alexandra V. Burtseva, Associate Professor at the Institute of Humanities Higher School of Engineering Pedagogics, Psychology and Applied Linguistics of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Olga V. Kalashnikova, senior Lecturer at the Institute of Humanities Higher School of Engineering Pedagogics, Psychology and Applied Linguistics of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Svetlana N. Trocuk, Associate Professor at the Institute of Humanities Higher School of Engineering Pedagogics, Psychology and Applied Linguistics of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;

одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 28.07.2022

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 28.07.2022